

Краснодарский университет МВД России
Ставропольский филиал

Малашенко М.С.

**Публично-правовые и философско-правовые аспекты
противодействия экстремизму и терроризму в условиях
цифровизации общества**

Учебное пособие

Ставрополь, 2025

УДК 34
ББК 66.2
М18

М18 **Малашенко М.С.**
Публично-правовые и философско-правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества: учебное пособие / М.С. Малашенко.- Ставрополь: Ставропольский филиал КрУ МВД России, 2025. -56 с.- Текст: непосредственный

Учебное пособие предназначено для подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России в процессе изучения общеобразовательных и специальных дисциплин к пониманию современных вызовов обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества. Материалы исследования могут быть использованы в целях просветительской, обучающей и воспитательной работы с курсантами, а также при подготовке и переподготовке преподавателей в юридических вузах.

УДК 34
ББК 66.2

© СФ КрУ МВД России, 2025
© Малашенко М.С., составление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ	
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. Публично-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества	9
1.1. Теоретические и методологические аспекты публично-правовых вопросов обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества	9
1.2. Публично-правовые механизмы и основания вовлечения населения в решение проблем обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества	18
1.3. Структура и содержание публично-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества	25
ГЛАВА II. Философско-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества	30
2.1. Обеспечение информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества в контексте философии права и методологии правовой науки	30
2.2. Соотношение свободы и безопасности – основной философско-правовой вопрос обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества	35
ГЛАВА III. Совершенствование обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	53

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире неуклонно повышается доступность информации. Развитие интернет-технологий даёт возможность обращения населения к материалам огромного количества электронных версий СМИ, интернет-изданий, телеканалов и т.д.

Более того, сегодня в создании контента могут участвовать не только профессиональные журналисты, но и вчерашние читатели и зрители, увлеченные любители, и это, зачастую, стирает грань между говорящим и слушателями, формируя совершенно особую доверительную коммуникацию.

Информация играет огромную роль в формировании личности.

Справедливо сказанное и в отношении такой значимой части личностного бытия социальной идентичности, как гражданская идентичность. А среди современных проблем противодействию экстремизму и терроризму особое место занимают проблематика использования государством цифровых технологий как для противостояния киберугрозам, так и для наиболее эффективного противодействия угрозам, ставшим в течение второй половины XIX – первых десятилетий XXI веков, к сожалению, «классическими» – от экстремистской пропаганды до актов терроризма.

Одновременно проявили себя еще ярче те проблемы и риски, которые уже длительное время осмыслялись в качестве проблем не только настоящего, но и актуальнейших проблем ближайшего будущего.

Это проблемы, связанные со стремительным развитием цифровых технологий.

Можно констатировать, что правовое регулирование этой сферы имеет ряд проблем и пробелов, как в России, так и в ведущих государствах

современного мира.

Очевидно, что в современном глобализирующемся мире процессы цифровизации постоянно интенсифицируются.

Цифровые технологии, их позитивные стороны – от широко доступной видеосвязи до телемедицины, от широких возможностей дистанционного онлайн-обучения до координации совместных научных исследований учеными, находящимися на разных континентах, входят в нашу жизнь не просто стремительно, а, порой, слишком стремительно.

И эта быстрота, и развитие не только информационно-технологических возможностей науки, экономики, сферы безопасности, но и неуклонное повышение информационной обеспеченности криминальных элементов и сообществ, побуждает считать современную ситуацию, прежде всего – «ситуацией информационных рисков».

Таким образом, сегодня эти вызовы – полномасштабная информационная война против нашего государства и общества. Война с использованием цифровых диверсий и провокаций.

Развитые государства мира стремительно наращивают свои технологические возможности по сбору, обработке и анализу больших объемов информации (технологии «больших данных» – «bigdata»), в том числе – в социальных сетях, системы видеонаблюдения и распознавания объектов, особенно – в крупных городах, наиболее уязвимых для осуществления актов терроризма и т.д.

Безусловно, эти системы носят, как правило, универсальный информационный характер, противодействие экстремизму и терроризму – лишь одна из их многочисленных возможностей.

Например, они используются для оптимизации управления (например, в сфере организации дорожного движения, в сфере общественного транспорта).

Да и их применение в сфере безопасности носит широкий антикриминальный характер, включая предотвращение и раскрытие преступлений, розыск преступников и т.д.

Их необходимость несомненна, но, как и любая технология, они имеют не только очевидную общественную полезность, но и несут определенные социальные риски.

С определенной долей условности, эти риски можно разделить на две группы.

Первая представляет собой совокупность вопросов обеспечения информационной безопасности в связи с использованием новых информационных технологий сбора и обработки данных.

Эти вопросы носят в большей степени технологический характер и связаны с вероятностью неправомерного доступа к существующим базам данных, к конфиденциальной информации о гражданах (медицинской, банковской и т.д.) к аккаунтам граждан в различных информационных системах (от «Госуслуг» до соцсетей).

Еще большую угрозу представляет возможность доступа и перехвата управления в инфраструктурных информационных системах, системах управления и т.д.

То есть, это возможность использования информации и новых цифровых технологий для совершения киберпреступлений, в том числе – экстремистской и террористической направленности. Такого рода риски – предмет дискуссий в различных сферах осмысления такого рода рисков – от информационно-технологической до социально-философской.

Вторая группа – связана с влиянием на государство и его институты стремительного расширения доступа к личной информации о гражданах, рисками злоупотреблений и нарушения права на частную жизнь. Действительно, возможность контроля социальных связей, перемещений,

личных интересов индивида актуализирует дискуссию о пределах вмешательства государства в частную жизнь.

Обеспечение государством информационной безопасности и методы противостояния экстремизму и терроризму в цифровой сфере в силу специфики деятельности такого рода, просто не могут сопровождаться должным общественным контролем, здесь существует коренное противоречие между эффективностью и транспарентностью власти, что также имеет философско-правовое измерение.

Вопросы о соотношении пределов власти, границ частной жизни, о соотношении свободы и безопасности имеют не только конституционно- или административно-правовое, но и философско-правовое измерение. И ключевой проблемой здесь будет выступать вопрос о соотношении свободы и безопасности.

ГЛАВА I. Публично-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества

1.1 Теоретические и методологические аспекты публично-правовых вопросов обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества

Одно из наиболее важных направлений осмысления проблем обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества – постепенное размытие соответствия между общественными реалиями и базовыми для юриспруденции философскими учениями, многие из которых были созданы задолго до XX века. Нужно сказать, что западная правовая наука (с точки зрения смысла самого этого слова, наверное, наука и может быть только западной, хотя существуют, например, довольно известные работы арабских правоведов) – возможно, единственная общественная наука на сегодняшний день, полностью верная либеральной доктрине.

В связи с этим, отмечается, что в России «...ситуация была усугублена тем, что в силу известных причин, выяснение природы каковых в предмет данной работы не входит, наша общественная наука довольно долго развивалась в совершенно особенном направлении и была, можно сказать искусственно вырвана из тогдашнего европейского контекста – либерального.

И в то время, как на Западе многие представители социогуманитарных наук стали разочаровываться в либерализме и практике его осуществления, для такого разочарования в нашей стране не было почвы, так как такая практика просто отсутствовала. Поэтому, когда

рухнул «железный занавес», действовавший и относительно определенных научных доктрин, и либеральный проект снова стал предметом изучения (причем уже не безоговорочно критического, как в советский период) российских учёных, на какое-то время стало казаться, что он – последнее и самое веское слово в развитии европейской науки и цивилизации, от которых мы были так долго оторваны»¹.

Показательный пример данного подхода – работа известнейшего российского учёного-правоведа С.С. Алексеева «Теория права», вышедшая в 1993 г., выдержавшая несколько переизданий и оказавшая огромное влияние на последующее развитие отечественной правовой науки, и прежде всего, её фундаментальной части – теории государства и права.²

В частности, отметим, что, своего рода, «под вопросом» оказалась даже теория разделения властей, сначала созданная Локком, а затем усовершенствованная Монтескье.

Как известно, первоначально Локк предлагал в «Двух трактатах о правлении» выделять законодательную, исполнительную и федеративную власти.³ Монтескье же в «О духе законов» уточнил разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную – в таком виде данный принцип понимается и используется до сих пор. Однако современные тенденции свидетельствуют о всё большем «перекосе» в сторону исполнительной власти и кризисе парламентской демократии.

Действительно, отмечается, что «...подобные процессы идут и относительно других «священных коров» либерализма – приоритета прав человека, всеобщего избирательного права, международного права. Здесь нет возможности подробно останавливаться на каждом из этих элементов, но нужно отметить, что политика «двойных стандартов», применяемая

¹Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев

² См.: Алексеев С.С. Теория права. М.: Бек, 1993.

³См.: Локк Дж. Сочинения. В 3-х тт. М.: 1985 – 1988.

относительно прав человека западными странами (примеры подберёт каждый) сильнейшим образом дискредитировала этот принцип; избирательные технологии превратили в фарс практически любые выборы; международное право же, как и прежде, бесцеремонно попирается сильнейшей державой и в 90-е гг., однако особенность в том, что чем большему нарушению оно подвергается, тем большим «торжеством дела демократии и прав человека» это объявляется западными либералами – тем же Хантингтоном»⁴.

В принципе, нельзя сказать, чтобы всё это было чем-то новым для философов, этнологов, политологов, социологов и т.д.

Но юристы (и российские) продолжали относить все «накладки» при реализации либеральных доктрин не на системные недостатки последних, связанные в том числе и с тем, что доктрины просто устарели, поскольку были созданы два-три века назад, а на то, что они «недостаточно полно реализуются», что «не всякое общество готово к свободе», т.е. что либерализм не слишком «ветхое», а, наоборот, слишком «прогрессивное» учение.

Однако положение уже меняется. На ряд публикаций, в т.ч. в «Российской газете», об «устарении» доктрин Просвещения, был вынужден отреагировать такой видный государствовед, как В.Е. Чиркин, доказывавший, что они совсем не устарели, и при надлежащей модернизации еще долго могут работать с пользой для общества.⁵

Как насмешливо комментировал подобные рассуждения И. Засурский в статье о выходе в свет трилогии одного из теоретиков «новой

⁴Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

⁵См.: Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Го-сударство и право, 2002, № 2.

волны» М. Кастеллса (Manuel Castells. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1-3. Oxford, 1996-1998): «...если в XIX веке социальное проектирование строилось на законах механики, то сегодня и время не то, и масштабы не те. Кастеллс выбрал себе роль человека, который пытается осознать происходящее и нарисовать карту. Разумеется, как дорожный атлас эта карта не годится – в ней, как и в средневековой топографии, Америкам может быть изображена продолжением Индии, а за тремя континентами вплоть до края земли простираться моря. Да и карта эта, собственно, тоже не одна – есть и другие ученые, выпускающие тяжеловесные монографии и предлагающие свой взгляд на мир. [...] У нас в России до сих пор встречаются карты в основном старинного образца. Где Земля плоская и покоится на трех китах: рынке, демократии, свободе печати (ну, если быть точным, еще на одном китёнке – гражданском обществе)... (...) Однако наше нежелание изменить картину мира не означает ни того, что киты действительно существуют, ни того, что именно они спасают планету от падения в пустоту».⁶

Необходимость в смене стиля мышления прослеживается не только в государственоведении, где преобладает либеральный, естественно-правовой подход, но и в области «чистого права», где, казалось бы, преобладает (по крайней мере, в России) «враждебный» естественно-правовому нормативистско-позитивистский подход.

Еще один существенный момент в российской «ситуации постмодерна» – противостояние либертарно-юридической школы и «классической» либеральной. Первая набирает силу в юриспруденции и с этих позиций даже критикует Конституцию⁷, а вторая – представленная Е.А. Лукашевой, например, объявляет первую негуманистически

⁶Засурский И. После революции // Пушкин, 1998, № 3 (9) – 1 июня. с.32.

⁷История политических и правовых учений. Под ред. Нерсесянца В.С. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2000. с.562.

настроенной.⁸ О моральной стороне научных убеждений сторонников либертарно-юридической концепции действительно есть что сказать (здесь вызывает вопросы и апология формального равенства, и определённый элитаризм в оценке социально-экономических прав человека – обращение к изрядно потрёпанной, но так и не преодоленной концепции «социально-экономических притязаний»).

Однако несомненно то, что этот подход более честен в современной ситуации профанации и превращения в фикции практически всех либеральных завоеваний и институтов, и, следовательно, более научен.⁹

Отметим, что в оценке государства и государственного регулирования российские «юс-либертарианцы» (полагаем, термин «либертарианцы» к ним в силу определенных несоответствий с обозначенным направлением не в полном мере и не безоговорочно применим) весьма схожи с либералами, можно указать, например, на одного из основоположников либерализма – И. Бентама¹⁰.

Более того, они идут дальше, указывая на возможность «права» и «неправа» в законодательной и правоприменительной деятельности государства, т.е. объявления закона или правоприменительного акта, в том числе – судебного решения, «неправовым», вводя отдельную категорию в рамках феномена законности – «правозаконность».

Да, личность здесь безусловно ставится на первое место и является мерой вещей по отношению к праву, позволяя, фактически, объявлять его «неправом».

⁸ См.: Права человека и концепция устойчивого развития. М., 1999.

⁹ К этому же направлению стоит отнести и неангажированное изучение преступности – см.: Демчук А.В. Организованная преступность как элемент политической системы // Юрист, 1998, №4.

¹⁰ Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

С учётом апологии формального равенства, это будет не просто личность, а, в определённом смысле – «личность с возможностями» (позволим себе эту небольшую исследовательскую вольность). Но, да, ещё раз подчеркнём – этот подход реалистичен и прагматичен, и в праве, в общем-то, не нов (хотя, думается, есть в указанных построениях некоторое сходство с прямой неопифа, едва освободившегося от пут марксистской догматики).

Здесь можно вспомнить «Куст ежевики» К.Л. Ллевеллина и американскую школу правового реализма, где исследования, насколько можно судить, не приближались к констатациям «кто богаче, тот и прав»¹¹.

В рамках либертарно-юридической теории формируется концепция правовой законности (правозаконности), в определённом смысле противопоставляющая объективное право, отражающее интересы индивида, его права и свободы, и отдельные формы нормотворческой деятельности государства, полагая возможность сосуществования закона «правового» и закона «неправового». В целом, концепция правовой законности и либертарно-юридическая теория в целом в основе своей имеют классическое гуманистическое допущение юс-натурализма о наличии имманентных любому индивиду прав и свобод.

И это прогрессивное с точки зрения защиты прав и свобод человека допущение остаётся уязвимым для волюнтаристского расширения имманентного ей перечня прав и свобод, чьё отрицание или умаление недопустимы.

Сегодня это, условно говоря, десяток важнейших субъективных прав личности, завтра этот перечень расширяется, порой с самыми гуманистическими целями (так, например, советское конституционное

¹¹АбаеваЕ.А., БайниязоваЗ.С., БасоваА.В., ВасилевичГ.А., ВелиеваД.С.К., ГабдуалиевМ.Т., ГолубО.Ю., КазаковА.А., КомковаГ.Н., КуликоваС.А., МинбалеевА.В., ОсиповР.А., ПашнинаТ.В., ПерепелицаЕ.В., СуховаН.И., ТогузаеваЕ.Н., ТоросянР.А., ТхабисимоваЛ.А., ТюменеваН.В. Повышениеуровняинформационно-коммуникативнойкультурыгражданправовымиисредствамиимеханизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

право расширяло его за счёт социально-экономических прав ещё в тот период развития права прав человека, когда ряд зарубежных учёных объявлял эти права «социальными притязаниями»), а порой с неоднозначными¹².

Отметим, что каталог прав и свобод личности в последние десятилетия расширяется и пополняется весьма своеобразным образом и это существеннейшим образом влияет на межличностное взаимодействие, ценностные ориентации и социальные процессы в целом (например, принятие или неприятие в обществе разнообразных прав меньшинств, границы допустимого в антидиффамационном активизме и т.д.)

Также, необходимо отметить, что апелляция к возможности выработки социального консенсуса в рамках воздействия институтов гражданского общества на ситуацию не всегда оправдана.

Например, ресурсы государства, некоторых политических партий, и некоторых других игроков на политико-правовом поле достаточны для создания устойчивых имитаций гражданских институтов, фактически – клиентел, действующих якобы от лица общества.

Следует сказать и о перспективном направлении, обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму, связанном с анализом юридических текстов.

Российская юриспруденция, пусть и в силу объективных причин, фактически «проигнорировала» философское развитие в XX веке, в т.ч. такие направления как логический атомизм (как видим, в правовой науке позитивизм оказал влияние, а неопозитивизм – нет), структурализм, постструктурализм, деконструкция и т.п., т.е. все те направления, которые так или иначе связаны с исследованием речи, языка, письменности – что,

¹² Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

казалось бы, очень важно для правоповедения, поскольку господствующее направление в современной юриспруденции часто даже называют аналитическим (ничего общего с аналитической философией не имеет, поскольку в отличие от последней, проводит свой анализ на основе формальной логики).

Например, в своё время Д.С. Белявский указывал, что «законодательство можно рассмотреть как гипертекст,¹³ т.е. систему идей и фактов разных типов, связанных между собой без жесткой структуры и заранее определенной последовательности. Законодательство отвечает трем признакам гипертекста – 1) гранулярность, 2) нелинейность, 3) интерактивность [...] Справедливости ради нужно отметить, что для правоповедения представление о законодательстве как о сбалансированной (в идеале) системе элементов не нова, однако постструктуралистский подход способен упорядочить данные представления и выявить многие новые особенности. Обычно в качестве примера классического гипертекста приводят Интернет. Законодательство и в «бумажном» виде представляет собой гипертекст, но существуют его электронные аналоги – скажем, правовые базы «Гарант», «Консультант Плюс»»¹⁴.

Тем не менее, содержательной гипертекстуальности массива (гиперсистемы) законодательства препятствует, прежде всего, выраженная внутрисистемная несогласованность и недостаточная непротиворечивость, в рамках чего приобретает актуальность «...деконструктивистский подход Ж. Деррида, настаивающем на самостоятельной реальности письменности и указывающем на лого- и фоноцентристскую репрессию письма, угнетающей его истинную нелинейную природу.

¹³ Термин предложен в 1965г. американским ученым Тедом Нельсоном.

¹⁴ Белявский Д.С. Соотношение норм земельного и конституционного права: опыт деконструкции // Проблемы правового регулирования экологических отношений: история и современность: Материалы научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2013.

И действительно, когда наши учёные-юристы сталкиваются с противоречиями и иными недостатками в законодательстве, они относят это только на счёт человеческой недоработки, не предполагая у письменности никакой самостоятельной реальности – логоцентристская репрессия.

В итоге работе по устранению недостатков законодательства не видно ни конца, ни края. Что касается фоноцентристской репрессии, то интересно то, что разбирательство в большинстве наших судов устное и гласное, а протоколирование при таком разбирательстве носит подчинённый характер»¹⁵.

Отметим, что развитие информационных технологий и появление реальности «права как гипертекста» вдохнуло «новую жизнь» в длительное время критикуемые с разных позиций (в англо-американской традиции современной аналитической философии, пожалуй, скорее – игнорируемые) взгляды Ж. Дерриды на текст и его особенности, его логоцентризм (за что критиковались и феноменологи права и структуралисты), соответственно право, вполне возможно, ждёт своих деконструкторов, а постмодернизм становясь менее заметным в околонучных штудиях, оставит философам права так же, как в своё время классический марксизм или гегелевская диалектика и философия права, прежде всего – уникальный методологический исследовательский инструментарий.

В неполноте представлений о соотношении личности и права станет меньше неполноты, которая, тем не менее в полном соответствии с известной 2-й теоремой Курта Гёделя «о неполноте»¹⁶ никогда не будет преодолена.

¹⁵ Белявский Д.С. Соотношение норм земельного и конституционного права: опыт деконструкции // Проблемы правового регулирования экологических отношений: история и современность: Материалы научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2013.

¹⁶Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А.,

1.2. Публично-правовые механизмы и основания вовлечения населения в решение проблем обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества

Необходимость углубления и расширения обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму, борьба с которыми является приоритетной целью любого развитого современного государства, приобретает в последние годы особенный смысл для нашей страны, в том числе – в связи с вызовами, появившимся в связи с проведением Специальной военной операции.

При этом, можно с уверенностью констатировать, что российское общество продемонстрировало высокий потенциал самоорганизации и кооперации.

В определенном смысле можно говорить о том, что развитие российского гражданского общества несколько недооценивалось – общественную помощь фронту, помощь гражданам России на освобожденных территориях сложно переоценить.

Вышесказанное показывает, что возможности вовлечения населения в реализацию общественного участия и контроля в публичное управление с целью предупреждения и борьбы с экстремизмом и терроризмом далеки от исчерпания¹⁷.

Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

¹⁷Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А.,

При этом, с развитием информационно-коммуникационных технологий, существенно повышаются скорость и качество взаимодействия населения и органов публичной власти, что в свою очередь, стимулирует повышение интереса населения к общественному участию и контролю «...степень гражданской активности напрямую связана с результатами учета мнения жителей при принятии управленческих решений»¹⁸.

Но также верно и обратное: «...разрывы между процедурами «обратной связи» и принятия решений влекут риски социальной напряженности. В составе единой системы публичной власти функции органов местного самоуправления по организации «обратной связи» должны быть усилены обязательным учетом их результатов в работе органов государственной власти»¹⁹.

Таким образом, очевидна последовательность в построении системы общественного участия и контроля «снизу – вверх» – от населения к муниципалитетам, от муниципалитетов – к органам государственной власти.

Более того, опора на социально-активные группы населения неизбежно усиливает позиции органов местного самоуправления в систему публичной власти, что, в свою очередь, повышает эффективность публичного управления в целом.

Рассмотрим потенциально эффективные новые форматы общественного участия и контроля в контексте совершенствования

Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

¹⁸ Доклад Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления «О состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2019 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления». М., 2020.

¹⁹ Доклад Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления «О состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2019 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления». М., 2020.

обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в контексте организации публичного управления.

Да, опыт эффективного вовлечения населения в участие в противодействии с экстремизмом и терроризмом, в том числе – зарубежный, действительно позволяет говорить о перспективности электронных форматов взаимодействия власти и населения.

Так, например, интересен опыт Китая, где в рамках повышения эффективности государственной антикоррупционной политики с 2013 года под эгидой Коммунистической партии Китая действует официальный сайт для жалоб населения, дополненный в 2016 году специальным мобильным приложением, позволяющим гражданам сообщать о фактах коррупционных проявлений в Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины²⁰. С помощью данного мобильного приложения Центральной комиссией КПК по проверке дисциплины осуществляется контроль в отношении государственных служащих, причём, как правило, непосредственно взаимодействующими с гражданами.

Однако в КНР, с одной стороны, достаточно строгое законодательство (дополненное, также, партийными дисциплинарными мерами для членов КПК), с другой – возможность жалоб дополняется системой поощрений и наказаний за недостоверную информацию посредством внедряемой в Китае системы своеобразного социального рейтинга «социального кредита», и, как отмечают Л.В. Томин и А.А. Балаян, помимо разнообразных льгот и поощрений, эта система включает достаточно чувствительные меры негативного воздействия: «...с середины 2018 г. к обладателям низкого рейтинга стали применяться санкции: отказ в приеме на работу в системе государственной службы и отдельные должности в частном секторе, внесение в черный список с запретом

²⁰Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами / Е.А. Абаева, З.С. Байниязова, А.В. Басова [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2021. 294 с.

покупки авиабилетов, бронирования гостиниц, обучения детей в частных школах. Механизм начисления личного рейтинга не раскрывается, но, учитывая, что он формируется и на основе мониторинга социальных сетей, складывается система, когда на рейтинг гражданина влияют его друзья в социальных сетях и их поведение»²¹.

Думается, расширение и углубление мер ответственности вряд ли будет способствовать эффективному вовлечению населения в информирование на первоначальном этапе – здесь важнее способствовать развитию правовой культуры и в большей степени применять меры поощрения.

Другое дело – возможность привлечения волонтеров, в том числе – в рамках института общественных инспекторов к модерации поступающей информации, к мониторингу и анализу наиболее «проблемных» направлений в сочетании с различными мерами поощрений для общественных инспекторов, в том числе, например, – с последующим привлечением на муниципальную и государственную службу, что вполне может стать дополнительным стимулом для обучающихся по «управленческим» направлениям и юриспруденции.

Полагаем, дополнительный «фильтр» будет способствовать повышению эффективности информационно-коммуникационного взаимодействия власти и населения в сфере обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму.

Отметим, что со ссылкой на необходимость борьбы с экстремизмом и терроризмом зачастую происходит ограничение прав и свобод личности, причем, даже в наиболее развитых государствах – что ниже будет показано на конкретных примерах из зарубежного опыта.

²¹. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами / Е.А. Абаева, З.С. Байниязова, А.В. Басова [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2021. С. 70-80.

Например, в Европейском Союзе с 2-18 года ситуация ухудшается, и попытки граждан защитить частную жизнь от вмешательства не нашли поддержки и в Европейском Суде по правам человека.

Так, как отмечается, Европейский суд по правам человека в 2018-м году подтвердил право полиции на использование личных данных граждан без судебного ордера в «особых» случаях²².

В июле 2021-го Европейская комиссия принимает временный регламент, «временно» упразднивший вообще все существовавшие ограничения, касавшиеся доступа властей к приватной информации – изначально, для борьбы с детской порнографией в сети²³.

Временное, разумеется, со временем стало постоянным, а оговорка о «детской порнографии» ничего не меняет: ведь чтобы понять, что в личных сообщениях граждан нет вышеуказанной порнографии, эти сообщения сначала надо внимательно прочесть, соответственно – обеспечить доступ правоохранителей к информации, составляющей тайну личной жизни граждан без специального судебного разрешения²⁴.

В Соединенных Штатах ситуация несколько сложнее. Формально, в США всё ещё действует «Electronic Communications Privacy Act», требующий судебного ордера на доступ к личной информации²⁵.

Но полиция действует не напрямую, а привлекая, фактически, сторонних исполнителей, обходя, таким образом, необходимость получать специальный судебный ордер.

²²Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же..

Так, полиция и ФБР покупают данные у частных «информационных посредников», т.е. компаний, в частном порядке собирающих и обрабатывающих данные. Такая информация уже не считается приватной, а как «посредник» эти данные собирал – не подлежащая раскрытию информация²⁶.

Во-вторых, применяются несложные процедуры фактического обхода специального судебного ордера, но без формального наращивания «Electronic Communications Privacy Act», в частности – ордер «geofence warrant» (ордер на доступ ко всем сетевым устройствам в определённом регионе в течение определённого времени) или ордер «keyword warrant» (когда у поисковиков и браузеров требуют список IP адресов, с которых в определённый промежуток времени поступали запросы на поиск определённых слов или фраз).²⁷

В настоящее время широкая трактовка правоохранителями данных видов ордеров, как возможности обхода «Electronic Communications Privacy Act», не получила должную оценку ни законодателей, ни судебных органов и продолжает активно использоваться²⁸.

Население некоторых стран отказывается от сохранения права на тайну личной жизни, переписки и иной информации добровольно. В частности, в Швейцарском Союзе, где длительное время формировалось всесторонне защищающее граждан законодательство о защите персональных данных, летом 2021 года на общешвейцарском референдуме граждане страны проголосовали за принятие «Федерального закона о

²⁶ Там же.

²⁷ Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

²⁸ Там же.

полицейских мерах по борьбе с терроризмом» («Bundesgesetz über polizeiliche Massnahmen zur Bekämpfung von Terrorismus»)²⁹.

Причём, как отмечается, «за» проголосовали все кантоны, без исключения, что бывает нечасто. Даже наиболее консервативный кантон Швиц проголосовал «за», пусть и с небольшим перевесом (50.4%)³⁰.

В целом же по стране с фактической отменой тайны частной жизни согласились 59.5%. Новый закон упразднил необходимость в судебном ордере для доступа к приватным данным, теперь полиция и спецслужбы могут это делать просто по желанию³¹.

Единственное ограничение – если наблюдаемого гражданина не получилось ни в чём заподозрить, данные наблюдения надо уничтожить не позднее, чем через год после окончания наблюдения³².

Можно согласиться с выводом, что приведенные примеры из зарубежного опыта публично-правового противодействия экстремизму и терроризму в цифровой среде представляют собой классический пример того, что даже прямая демократия (национальный референдум) не гарантирует защиты от государственного произвола.

В этом смысле пример Российской Федерации, даже в ситуации новых вызовов в связи с началом Специальной военной операции не отказавшейся от неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина в цифровой сфере внушает серьёзный оптимизм.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

³² Там же.

1.3 Структура и содержание публично-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества

Исследование проблематики публично-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму в обществе стремительно растущих информационных рисков, в российских реалиях должно опираться, в том числе – и на осмысление деструктивных социально-политических трансформаций, на фоне которых наше общество шагнуло из советского индустриального этапа в постиндустриальный постсоветский этап развития³³.

Всё сказанное выше ставит вопрос о методологических аспектах исследования проблематики публично-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации, в ситуации «особого состояния» проблемы в современной России.

Указанный анализ будет включать в себя два спектра проблем: во-первых, общечеловеческие и характерные для современных государств проблемы общества информационных рисков; во-вторых – особенности их российских проекций.

Отметим, что, демаркируя контекстные пределы анализа российских особенностей не только достаточно обычными для современных государств взаимными отличиями, но и весьма значимыми, на наш взгляд, аспектами концептуальной неопределённости в российском правопонимании,

³³Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, собственно концептуальная неопределённость в правопонимании, означает отсутствие единого базиса понимания права и проблематики публично-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму не только в обществе, но и в профессиональной среде.

Казалось бы, это совершенно обычное явление – разные взгляды ученых-правоведов на сущность права, его соотношение с государством, его истоки и источники.

В России же, и на этапе демократического транзита, и сегодня, особенно заметны две проблемы – первая, это полярность восприятия права не только между разными теоретиками, но и в целом – в профессиональном сообществе; вторая, и наиболее специфическая, малохарактерная для иных юрисдикций – сосуществование крайне разных «отраслевых традиций»³⁴.

Отдельно отметим наиболее проблемное явление – долгий предшествующий этап относительного концептуального единства советского периода.

Почему же последнее представляется именно проблемой? Отсутствием (скорее, утратой на целом историческом этапе) опыта у теоретиков и практиков сосуществовать в ситуации коренных противоречий во взглядах на сущность права и государства в целом.

Да, в советский период споры и дискуссии в юридической науке безусловно были и были, порой, весьма остры (как, например, полемика вокруг «хозяйственного права»), но, в целом, марксистско-ленинская догматика обеспечивала, пусть и не всегда приемлемым образом,

³⁴Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалева А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

определенную базисную общность, пусть и не реальных представлений, но их публичной артикуляции³⁵.

Следующий вопрос, который следует обсудить – те вызовы и риски, которые проистекают из «цифровой революции» в контексте проблем публично-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму.

С определённой долей условности и упрощения эти проблемы можно распределить на три группы:

1) проблемы, связанные с взаимодействием личности и государства, включая проблемы соотношения свободы и безопасности, проблемы контроля личности, проблемы свободы слова и свободы доступа к информации, проблемы защиты права на неприкосновенность частной жизни, защиту личной и семейной тайны, защиту своей чести и доброго имени от злоупотреблений должностных лиц и органов публичной власти – то есть проблемы безопасности, свободы, контроля во взаимодействии с властью, проблема сохранения демократии перед искушениями цифрового авторитаризма;

2) проблемы, связанные с межличностным взаимодействием или взаимодействием с определенными группами людей, это широкий спектр проблем – от проблемы защиты частной жизни и личной информации от несанкционированного завладения, обнародования и т.д., защиту личности от преследования, защиту личности от мошенничества в цифровой сфере и киберпреступлений вообще – то есть защита личности от других людей и их групп;

3) проблемы, связанные с необходимостью защиты государства и публичных институтов, защиты общественной безопасности от

³⁵ Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

кибертерроризма и экстремизма, распространения общественно-значимой недостоверной информации и антигосударственной пропаганды, вмешательства во внутренние дела государства других государств, а также организаций, и т.д. – защита общественной и государственной безопасности.

Таким образом, задача обеспечения противодействия экстремизму и терроризму цифровым вызовам и рискам на основе такой классификации может быть сведена к трём направлениям:

- 1) к развитию правовой культуры публично-властной деятельности, где значительное внимание должно быть уделено таким вопросам, как защита личности от произвола и злоупотреблений, правовая культура личности перед лицом вызовов «нового цифрового контроля»;
- 2) к развитию правовой культуры и «информационной гигиены» личности и общества, с целью противодействия правовому нигилизму и профилактики противоправного поведения, где значительное внимание должно быть уделено также таким вопросам, как защита частной жизни в цифровой сфере, правовая культура социально-сетевых взаимодействий, понимание индивидами основ информационной безопасности;
- 3) к развитию правовой культуры личности в сфере её взаимоотношений с государством, развитию правовой культуры общества в контексте осознания вызовов киберугроз, а также – повышению правовой культуры должностных лиц, государственных и муниципальных служащих перед лицом вызовов наступившей цифровой эры, киберугроз, экстремизма и терроризма в цифровой среде.

Наиболее очевидную общественную опасность в контексте противодействия экстремизму и терроризму в настоящее время имеет проблематика цифровой безопасности, отнесённая к третьей группе.

Но, в то же время – наибольший проблемный потенциал, способный изменить в будущем взаимодействие личности и власти, изменить

государство и трансформировать социальные институты в соответствии с современными вызовами, имеет проблематика первой группы.

ГЛАВА II. Философско-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества

2.1. Обеспечение информационной безопасности, противодействие экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества в контексте философии права и методологии правовой науки

Рассмотрим философско-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества.

Оценивая современное состояние проблемы, можно с уверенностью говорить о ведущейся глобальной эволюционной войне, реализуемой в рамках известного принципа – «думай глобально, действуй локально». Это война гораздо более глубокая и масштабная – это война эволюционная, война за всю последующую эволюцию человечества.

Среди современных проблем противодействию экстремизму и терроризму особое место занимают проблематика использования государством цифровых технологий как для противостояния киберугрозам, так и для наиболее эффективного противодействия угрозам, ставшим в течение второй половины XIX – первых десятилетий XXI веков, к сожалению, «классическими» – от экстремистской пропаганды до актов терроризма.

Можно говорить о сегодняшнем периоде человеческой истории, как о своего рода точке цивилизационного перехода к глобальному обществу, обществу мондиалистских, якобы «общечеловеческих» ценностей, формируемых в рамках гуманистического, а в рамках потребительского вектора. Причем, нами под потреблением подразумевается только и не столько материальное, но и информационное потребление.

Более того, потребительский вектор задает человечеству превращение в совокупность атомизированных потребителей, сеть реципиентов западной информационно-ценностной гегемонии. Это, прежде всего – экспансия паттернов, и лишь затем – использование традиционных инструментов экспансии.

Существует мнение, что и «победа» атлантистов в Холодной войне во многом состоялась вследствие того, что западные трендсеттеры, пользуясь преимуществами в мировом информационно-коммуникативном пространстве, смогли придать мировой массовой культуре «антисоциалистические функции»³⁶.

Интересную точку зрения на сущностные характеристики, основные угрозы и направления развертывания информационной войны высказал А.А. Зиновьев. Он выделил пять устойчивых признаков (этапов) развертывания этой войны:

1) «исчезновение четких разграничений между специфически военными и мирными средствами»;

2) «идеологическое обольщение человечества»;

3) «превращение мира в состояние непреходящей войны»;

4) «на пути к мировому господству Запада стоит сопротивляющийся мусульманский (арабский) мир»;

5) «главным препятствием [...] после краха советского блока и Советского Союза становится коммунистический Китай. Для нас важно установить, какая судьба ожидает нашу страну в условиях войны западного мира с Китаем»³⁷.

Если придерживаться концепции А.А. Зиновьева, то анализируя череду правительственных переворотов в арабском мире, можно

³⁶ См.: Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М.: АСТ, 2005. С. 88.

³⁷ Зиновьев А.А. Распутье. – М.: Элефант, 2005. С. 274-278.

квалифицировать их как начало нового – сетевого этапа мировой эволюционной войны Запада против мусульманского мира.

На этом этапе «стратегии и тактики освобождения», так писал идеолог и методолог «оранжевых революций» Дж. Шарп, и, как он сформулировал – перехода «от диктатуры к демократии»³⁸ (в последней короткой цитате обратим внимание на еще большую иллюзорность искомого второго вида режима в отличие от имеющегося первого), цифровые технологии становятся всё более и более востребованными – фактически, выступая в качестве основных.

Отметим, что так широко применяемые для государственных переворотов, приобретают новый окрас сетцентричных операций (сетевых войн), не просто использующих сформированное пропагандой «согласие масс», а создающих социально-психологический синдром «роевого состояния» массового сознания, который «работает» серийно, сразу в нескольких странах, объединенных общими внутренними (трансгисторическими) качествами – единым психологическим складом, религией, и некоторыми внешними (конкретно-историческими) чертами тоталитарными режимами, потерявшими авторитет в лице части населения и др. Таким образом, как принято писать в общественных науках последние двадцать лет, актуальность обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества не вызывает сомнений.

Развитые государства мира стремительно наращивают свои технологические возможности по сбору, обработке и анализу больших объемов информации (технологии «больших данных» – «bigdata»), в том числе – в социальных сетях, системы видеонаблюдения и распознавания

³⁸ См. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской – М.: Новое издательство, 2005.

объектов, особенно – в крупных городах, наиболее уязвимых для осуществления актов терроризма и т.д.

Безусловно, эти системы носят, как правило, универсальный информационный характер, противодействие экстремизму и терроризму – лишь одна из их многочисленных возможностей.

Например, они используются для оптимизации управления (например, в сфере организации дорожного движения, в сфере общественного транспорта). Да и их применение в сфере безопасности носит широкий антикриминальный характер, включая предотвращение и раскрытие преступлений, розыск преступников и т.д.

Их необходимость несомненна, но, как и любая технология, они имеют не только очевидную общественную полезность, но и несут определенные социальные риски.

С определенной долей условности, эти риски можно разделить на две группы.

Первая представляет собой совокупность вопросов обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества, в связи с использованием новых информационных технологий сбора и обработки данных.

Указанные выше вопросы носят в большей степени технологический характер и связаны с вероятностью неправомерного доступа к существующим базам данных, к конфиденциальной информации о гражданах (медицинской, банковской и т.д.) к аккаунтам граждан в различных информационных системах.

Подчеркнем, что в сфере обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества ещё большую угрозу представляет возможность доступа и перехвата управления в инфраструктурных информационных системах, системах управления и т.д., фактически, речь идет о

противодействию совершению актов терроризма в информационно-коммуникационной среде.

Действительно, это возможность использования информации и новых цифровых технологий для совершения киберпреступлений, в том числе – экстремистской и террористической направленности.

Указанные вызовы – в настоящее время являются предметом неослабевающих дискуссий в различных сферах осмысления такого рода рисков – от информационно-технологической до социально-философской сфер.

Вторая группа – связана с влиянием на государство и его институты стремительного расширения доступа к личной информации о гражданах, рисками злоупотреблений и нарушения права на частную жизнь. Действительно, возможность контроля социальных связей, перемещений, личных интересов индивида актуализирует дискуссию о пределах вмешательства государства в частную жизнь.

Обеспечение государством информационной безопасности и методы противостояния экстремизму и терроризму в цифровой сфере в силу специфики деятельности такого рода, просто не могут сопровождаться должным общественным контролем, здесь существует коренное противоречие между эффективностью и транспарентностью власти, что также имеет философско-правовое измерение.

Вопросы о соотношении пределов власти, границ частной жизни, о соотношении свободы и безопасности имеют не только конституционно- или административно-правовое, но и философско-правовое измерение.

И ключевой проблемой здесь будет выступать вопрос о соотношении свободы и безопасности.

2.2. Соотношение свободы и безопасности – основной философско-правовой вопрос обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества

Вопросы о соотношении пределов власти, границ частной жизни, о соотношении свободы и безопасности имеют не только конституционно-или административно-правовое, но и философско-правовое измерение.

И ключевой проблемой здесь будет выступать вопрос о соотношении свободы и безопасности. Широко известна фраза Б. Франклина о соотношении этих общественных ценностей: «...те, кто готов пожертвовать насущной свободой ради малой толики временной безопасности, не достойны ни свободы, ни безопасности»³⁹.

Как отмечает Б. Виттс, несмотря на то, что это крылатое выражение воспринимается как описывающее «противоречия между властью правительства и свободой личности»⁴⁰, оно было сказано не о свободе личности, а о свободе коллективной и речь шла о праве населения пенсильванских городов на самозащиту (т.е. это противоречие касается свободы создания городских отрядов самообороны, что вызывало опасения пенсильванского губернатора Томаса Уортона)⁴¹, что, в то же самое время не означает, что Б. Франклин выступал за ограничение личных свобод ради обеспечения безопасности.

Современник Б. Франклина – известный английский философ И. Бентам выдвинул идею «абсолютного и анонимного контроля» над частной

³⁹ Votes and Proceedings of the House of Representatives, 1755-1756 (Philadelphia, 1756), pp. 19-21. // [Электронный ресурс] URL: <http://franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp?vol=6&page=238a>. (датаобращения: 12.10.2022).

⁴⁰ Ben Franklin's Famous 'Liberty, Safety' Quote Lost Its Context In 21st Century // [Электронный ресурс] URL: <https://www.npr.org/2015/03/02/390245038/ben-franklins-famous-liberty-safety-quote-lost-its-context-in-21st-century> (датаобращения: 12.06.2024).

⁴¹Ibid.

жизнью с целью ликвидации любого насилия (противопоставляя, прочем, безопасности не свободу личности, а лишь право на защиту частной жизни, privacy), причем его проект «Паноптикума» («Паноптикона») был направлен на ликвидацию всякой возможности насилия над наиболее бесправными – заключенными, сиротами, персоналом рабочих домов, душевнобольными и т.д. [3, с. 297-302 и др.].

Отметим, что идея И. Бентама, со временем стала воплощением идей тотального контроля (так же, как и воплощением борьбы с ним – неверно интерпретируемая, приведенная выше фраза Б. Франклина).

И с позиции расширенных представлений о его философских идеях И. Бентам критиковался многими философами и правоведами. Самой известной стала работа М. Фуко «Надзирать и наказывать»⁴², где, в определенной степени эпатируя читателя, М. Фуко представляет идеи И. Бентама как идеи всеобщего тотального контроля, «воспитания подчинения власти»⁴³.

В дальнейшем, М. Фуко несколько иначе будет интерпретировать И. Бентама⁴⁴, но в гораздо менее известных и более академичных произведениях.

Страх общества перед тотальным контролем усиливается с развитием цифровых технологий, в общественных науках одной из значимых реакций на эти события становится артикуляция рисков «Цифрового паноптикума»⁴⁵.

⁴² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

⁴³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. С. 301-302.

⁴⁴ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сусллова, А. В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2011. 544 с.

⁴⁵ Томин Л.В., Балаян А.А. Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика». 2019. № 3 с. 77-83.

Более того, сегодня сбор, анализ и использование информации становятся распространенной деятельностью многих субъектов общественных отношений – от государств и транснациональных корпораций, до рядовых предпринимателей – заказчиков маркетинговых исследований и «продвижения» товаров и услуг, и, к сожалению, до представителей криминалитета – от мошенников до кибертеррористов.

Информация становится товаром, предметом хищения и разнообразных махинаций, средством распространения экстремистских идеологий и вербовки в экстремистские сообщества, способом коммуникации экстремистов и террористов, и, самое опасное – непосредственной средой осуществления террористических актов, причем, в условиях цифровизации общества угрозы актуализируются в «режиме реального времени» всё отчетливее.

Как отмечает Л.А. Тхабисимова, «...за последние три десятилетия идея тотального контроля получает всё больший технологический базис, вызывая, одновременно всё большие опасения, и, также, порождая определённую тревожную мифологию. Критика тотального контроля продолжает оставаться частью актуальной социально-философской повестки, и эта критика в значительной степени отождествляет такого рода контроль с институтами публичной власти, с неослабевающим желанием государства господствовать и контролировать, желанием имманентным, как считается, любому государству, чья власть не ограничивается в должной степени демократическими институтами и процедурами, и, шире – гражданским обществом»⁴⁶.

С ростом интереса государства к цифровым методам защиты общества от угроз экстремизма и терроризма, также актуализируется и

⁴⁶ Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.

проблема возможных «ошибок в системе», проблема разнообразных злоупотреблений, и, как следствие – проблема защиты личности от ошибочных или злоумышленным образом искаженных данных, порождая новые общественные тревоги⁴⁷.

При этом, общественная тревога носит в определенной степени иррациональный характер. Значительная часть населения России испытывает тревогу перед скрытым «чипированием» (45% по опросам ВЦИОМ)⁴⁸, при этом аудитория соцсетей стремительно растет (более 70 млн россиян в 2020 году)⁴⁹.

На фоне указанных тревог граждане охотно продолжают делиться в социальных сетях личной информацией с широким кругом пользователей. Особенно острой проблема несоблюдения гражданами элементарных правил «цифровой гигиены» стала с началом Российской Федерацией Специальной военной операции.

Несколько упрощая и утрируя можно сформулировать следующее: определенная часть населения боится мифических угроз со стороны государства, но охотно делится информацией о себе с сетевыми «анонимами», за личиной которых могут быть самые разнообразные, в том числе – криминальные и вражеские сущности.

Впрочем, некоторые современные государства открыто декларируют идеи применения методов цифрового контроля для обеспечения общественной безопасности, с элементами социального конструирования (от контроля они переходят к профилактике антиобщественного поведения, шире говоря – к воспитанию).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Чипизация: (не)призрачная угроза? Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 26 августа 2020 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chipizacziya-nepriizrachnaya-ugroza-> (дата обращения: 12.06.2024).

⁴⁹ Там же.

Так, анализируя ситуацию в современном Китае, Л.В. Томин и А.А. Балаян указывают на следующее мнение: «...власти КНР интегрируют в систему социального кредита огромную сеть государственных и частных камер наблюдения (примерно 176 млн единиц), оснащенных функцией распознавания лиц, объединенную и управляемую в том числе инфраструктурой и алгоритмами «умных городов»»⁵⁰

В частности, указывается на следующие, весьма важные обстоятельства: «...с середины 2018 г. к обладателям низкого рейтинга стали применяться санкции: отказ в приеме на работу в системе государственной службы и отдельные должности в частном секторе, внесение в черный список с запретом покупки авиабилетов, бронирования гостиниц, обучения детей в частных школах. Механизм начисления личного рейтинга не раскрывается, но, учитывая, что он формируется и на основе мониторинга социальных сетей, складывается система, когда на рейтинг гражданина влияют его друзья в социальных сетях и их поведение»⁵¹.

Таким образом, общественное развитие и политические институты все сильнее отстают от прогресса в цифровой сфере.

Новая цифровая эпоха пока видится временем возрастания как рисков безопасности в информационной сфере, так и рисков неверной реакции государства на таковые. Проблема явно опережает её осмысление.

Соотношение частной жизни и безопасности в цифровой сфере, соотношение свободы и контроля, допустимые пределы государственного вмешательства, баланс эффективности деятельности власти в сфере

⁵⁰ Томин Л.В., Балаян А.А. Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика». 2019. № 3. С. 80.

⁵¹ Botsman R. Who Can You Trust?: How Technology Brought Us Together and Why It Could Drive Us Apart. PublicAff airs. 2018. P.32-55. Цит.по: ТоминЛ.В., БалаянА.А. Цифровойпаноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика». 2019. № 3. С. 80.

информационной безопасности и общественного контроля за её действиями видится одной из центральных философско-правовых проблем т.н. «Цифрового общества».

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что российское общество и государство, несмотря на ряд проблем, оказалось готово к вызовам, появившимся или усилившимся с началом Специальной военной операции.

Более того, оказалось, что развитие гражданского общества в России скорее недооценивалось – общественную помощь фронту, волонтерскую помощь гражданам России на освобожденных территориях, думается, сложно переоценить.

Одновременно проявили себя еще ярче те проблемы и риски, которые уже длительное время осмыслились в качестве проблем не только настоящего, но и актуальнейших проблем ближайшего будущего. Это проблемы, связанные со стремительным развитием цифровых технологий.

Можно констатировать, что правовое регулирование этой сферы имеет ряд проблем и пробелов, как в России, так и в ведущих государствах современного мира.

Важно понимать, что сегодня – в ситуации продолжающейся Специальной военной операции – решение проблем обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества это, по сути, полноценная широкомасштабная информационная (цифровая) война.

Таким образом, сегодня названные выше вызовы – это полномасштабная информационная война против нашего государства и общества. Война с использованием цифровых диверсий и провокаций.

ГЛАВА III. Совершенствование обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества

В современном мире неуклонно повышается доступность информации. Развитие интернет-технологий даёт возможность обращения населения к материалам огромного количества электронных версий СМИ, интернет-изданий, телеканалов и т.д.

Более того, сегодня в создании контента могут участвовать не только профессиональные журналисты, но и вчерашние читатели и зрители, увлеченные любители, и это, зачастую, стирает грань между говорящим и слушателями, формируя совершенно особую доверительную коммуникацию.

Информация играет огромную роль в формировании личности. Справедливо сказанное и в отношении такой значимой части личностного бытия социальной идентичности, как гражданская идентичность.

Система образования, современные информационно-коммуникационные средства – то есть средства массовой информации и многочисленные ресурсы сети «Интернет» – сегодня это три кита, на которые опирается формирование личности новой цифровой эпохи.

И если в сфере просвещения система образования способна, хотя бы в некоторых предметных областях, уверенно выступить конкурентом двух других китов, то в сфере информационного воздействия на формирование социальной идентичности конкурентов у современных информационно-коммуникационных средств попросту нет. Человек может сознательно избегать их воздействия, но по-настоящему это сегодня возможно только вне общества.

Да, именно современные информационно-коммуникационные средства до сих пор занимают центральное место в названной выше

триаде. Прямо или опосредовано они влияют на формирование личности практически с рождения и не прекращают своего воздействия до самого конца её бытия – смерти или тяжелых когнитивных нарушений.

Современные информационно-коммуникационные средства, с одной стороны, сохраняют атрибуты инструмента – гипотетически их можно использовать исключительно во благо, для информирования и просвещения населения, они действительно сохраняют потенциал влияния на формирование объединяющих образов – образов позитивного будущего, образа единой страны, образа её единого народа, включающего широкое разнообразие этнических и этноконфессиональных общностей, вместе стремящихся строить и развивать родную землю.

Насколько способны современные информационно-коммуникационные средства соответствовать такому образу?

Американские экономист и социолог Эдвард Герман и знаменитый лингвист и философ Ноам Хомски в 1988 году выступили с теорией «модели пропаганды» которая гласит, что «в любом обществе неравномерность распределения богатства и власти воспроизводится в средствах массовой информации посредством экономических условий»⁵².

Фактически, современные информационно-коммуникационные средства и, особенно, социальные медиа – это фабрики по обработке и дальнейшей продаже сознания своей аудитории заказчику – корпорациям, в конечном счёте – финансово-экономическим группам, имеющим существенное политическое влияние.

Следовательно, объективность здесь неминуемо уступает интересам заказчиков – от рекламодателей до идеологов⁵³.

⁵² Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N.Y., Pantheon Books. 1988. 582 p.

⁵³ Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N.Y., PantheonBooks. 1988. 582 p.

Современное развитие социальных сетей и мессенджеров позволяют говорить об абсолютном воплощении в жизнь известной метафоры Маршалла Маклюэна – «Глобальной деревни», возможности моментальной коммуникации людей из разных уголков планеты⁵⁴.

Тем не менее, значительная часть информации и её интерпретации в Глобальной деревне всё также производится СМИ, отличаются лишь каналы распространения информации⁵⁵.

Современная российская молодежь, особенно та её часть, которая стремится соответствовать новейшим зарубежным социальным тенденциям и практикам, воспринимает в качестве значимого преимущества в информационной сфере по сравнению со старшими поколениями так называемые «отказ от телевизора», «отказ от первого канала» и так далее – речь идет об информационных и общественно-политических телевизионных программах государственного, прежде всего, телевидения.

Более того, представители молодежи всё чаще считают тип средства медиа-коммуникации, с помощью которого они получают информацию, важнейшим его атрибутом, но не атрибутом, влияющим на восприятие информации, в том числе – «ускоряющим и усиливающим коммуникационную функцию», а атрибутом, указывающим на большую или меньшую достоверность самой информации⁵⁶.

⁵⁴ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528> (дата обращения: 12.06.2024).

⁵⁵ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528> (дата обращения: 12.06.2024).

⁵⁶ Галкин Д.В. О Маршалле Маклюэне и его книге. В кн.: Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528> Дата: 5.06.2024

Интересный и всё более распространяющийся случай превратной интерпретации ещё одного знаменитого утверждения Маршала Маклюэна «средство коммуникации есть сообщение»⁵⁷.

Но, в пределе, в самом востребованном «средстве» медиа-коммуникации, достоинством выступает не содержание, а манипулятивно навязанная форма.

Место авторитета, имеющего общественную известность и репутацию, и взаимодействующего с потребителем информации, причем, от последнего, в свою очередь, требуются подчас немалые усилия для её понимания и правильной интерпретации, занимает аноним.

Модель воспринимается как «осведомленный профан рассказывает неосведомленному профану о сакральном». Реальное её содержание, это «анонимный профессионал-пропагандист в маске профана рассказывает профанам о сакральном». Значима и заметна ли такая проблема?

Думается, что мы стали свидетелями явного подтверждения такого рода диалогов. Немалая часть как, в первую очередь, молодежи (атрибутирующих самих себя достаточно широким спектром самых прогрессивных эпитетов), так и представителей более старших возрастных когорт, оказалась в отдельном от основной части общества, искусно надутым информационном пузыре – стремительный отъезд из Российской Федерации заметного числа молодых горожан, жителей крупных российских городов, представителей творческих профессий и профессий сферы IT-технологий с последующим возвращением подавляющей их части в течение двух-трех месяцев (так, около 85% уехавших представителей IT-сферы возвратились в Россию⁵⁸), говорит о том, что сформированная популярными в указанных социальных группах

⁵⁷ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М., 2003. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528>

⁵⁸ 4. Мишустин назвал процент вернувшихся IT-специалистов // Электронная публикация: РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220527/ekonomika-1791208382.html> (дата обращения: 5.06.2024)

современными информационно-коммуникационными средствами картина мира, мало соответствовала реалиям.

Следовательно, можно констатировать, что эти люди длительное время находились под достаточно интенсивным информационно-пропагандистским воздействием, которое не слишком было заметно даже их близким (в полном соответствии с реалиями Глобальной деревни уехавшие подробно информировали оставшихся о перипетиях своей жизни).

Но эти метания, сопровождающиеся подробными описаниями, воспринимаются как пусть и распространенный казус, на фоне откровенно враждебной позиции достаточной по численности, чтобы воспринимать происходящее как значимую проблему, части населения.

Можно достаточно долго рассуждать о достоинствах и недостатках советского подхода к построению надэтнической идентичности, этому феномену посвящено немало научных работ. Более того, будучи достаточно длительным, и тем более – весьма насыщенным, сконцентрированным и интенсивным, он неоднороден, в разные периоды он становился объектом разнообразнейшей критики, его этапы продолжают находиться в фокусе критического внимания исследователей, выступающих уже с иных позиций и иначе оценивающих как положенные в его основу идеи, так и их реализацию, нежели современники⁵⁹.

В конце 80-х начале 90-х годов область исторического прошлого оказалась абсолютно бесконтрольной от любых форм контроля, не только власть или администраторы от науки, но и академическое сообщество не могли противостоять разгулу исторического мифотворчества.

Существенную роль в этом процессе сыграли СМИ, которые на этапе перестройки играли огромную роль даже не в формировании, а в

⁵⁹ Попов М.Е. Антропология советскости: философский анализ. Автореф.канд...филос.наук. Ставрополь, 2004. С. 16-19.

трансформировании самосознания советского народа – утрачивающего объединяющие ценности и цели, еще вчера, во многом, действительно единого народа, а уже сейчас – политически дезориентированного населения пространства, стремительно приобретающего черты постсоветского. Прошло более тридцати лет с момента гибели СССР, и сегодня буквально чуть ли у каждого, по сути, «своя история», а ведь общее понимание исторического прошлого – важнейшая часть как этнической, так и гражданской идентичности.

Действуя во многом не самостоятельно на начальных этапах демонтажа советской идентичности, современные информационно-коммуникационные средства трансформировались в самодовлеющую силу, набирая разрушительную мощь в рамках логики своего развития в новых условиях.

И логика этого развития современных информационно-коммуникационных средств породила уникальный формат лидеров общественного мнения – антигосударственных, по-настоящему антинародных по транслируемым смыслам деятелей.

Помимо ветеранов информационных войн, с последовательно антироссийской позицией, которые подчас ошибочно и близоруко воспринимаются своего рода реликтами 90-х годов XX века, современные информационно-коммуникационные средства, в том числе и сегодня, продолжают пополняться антигосударственными кадрами.

При этом, государство в рассматриваемой системе крайне ограничено в средствах влияния: чиновное рвение может причинить в информационном обществе вред больший, чем нерадение.

Как в принципе возможно воздействовать на кадровый состав и идеологическое наполнение современных информационно-коммуникационных средств, особенно государственных? С тем, чтобы хотя бы минимизировать негативное воздействие на формирование

общегражданской идентичности (а вопрос пока стоит исключительно так – так реактивно, в каком-то смысле, чуть ли не бессильно – путь к возрождению всегда начинается с самых маленьких шагов).

Первое. Влияние общественности, разнообразных общественных структур, общественный контроль за современными информационно-коммуникационными средствами, особенно – за социальными сетями.

Да, это средства реактивные, они не формируют повестку, а реагируют на самые неадекватные проявления извечной для современных информационно-коммуникационных средств проблемы «погони за сенсациями», со всеми характерными для неё неприглядными атрибутами. И, более того, они недостаточно развиты, часто воспринимаются молодежью как, своего рода, «поколенческие узурпаторы» контроля в отношении современных информационно-коммуникационных средств.

Более того, небольшая заметность и авторитетность их в медиа-пространстве сложно преодолима: Современные информационно-коммуникационные средства даже не как состав конкретных персоналий, а как система, не заинтересованы в популяризации и в повышении авторитетности структур и средств контроля над собой.

Второе. Возрастающая конкуренция с альтернативными средствами медиа-коммуникации. Если вчера социальные сети и мессенджеры были пространством взаимодействия пропагандистов с профанами, то сегодня с профаном посредством новых медиа-коммуникаций может говорить воин, эксперт, ученый, влиятельный политик, государственный деятель. Это не ликвидирует пространство коммуникации «аноним – профан», но формирует существенно более приемлемую альтернативу.

Это путь ярких индивидуальностей, это инициатива «снизу» и она очень важна для формирования общественного запроса на изменения «сверху».

Самую важную и сложно преодолимую проблему построения позитивного влияния российских современных информационно-коммуникационных средств на формирование общероссийской гражданской идентичности, впервые сформулировал ещё до появления старейшего из них – петровской газеты «Ведомости», великий хорватский богослов, философ и лингвист Юрий Гаспарович Крижанич.

Речь идет даже не собственно о средствах массовых коммуникаций, лидерах общественного мнения, а о существующей парадигме социогуманитарного знания, где происходит воспроизводство как кадров, та и смыслов: «иные обольщают нас суетными именами академий и высших училищ, степенями докторов, магистров, но все это пустяки: земля наполняется множеством бездельных писак и книжников. Лучше было бы им в молодости учиться полезным и потребным для народа ремеслам...»⁶⁰.

Фактически, речь шла о стремлении иностранцев в большей степени влиять на формирование гуманитарного знания, нежели допускать передачу инженерно-технического: «...ни одного знаменитого врача, математика, музыканта или архитектора»⁶¹.

Именно так построена и современная система научной коммуникации, постепенно складывающаяся, как минимум, с XVII века – импорт гуманитарного знания, экспорт фундаментальной науки в случае её появления – известная «проблема утечки мозгов», обратная трансляция устойчивого представления об отсталости. И именно с этим, помимо прочего, пытался безуспешно бороться Петр Великий⁶².

Назвав бездумное преклонение внешним атрибутам западноевропейской жизни большой бедой для образованных жителей

⁶⁰ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Глава 11. Юрий Крижанич. // Электронная публикация: Российская история. URL: http://russian-history.info/Books/kostomarov/02_11.htm Дата: 5.06.2024.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

тогдашней Московии – и придумав для обозначения этого явления такой термин, как «чужебесие» (или на латинский манер – «ксеномания»), подчёркивая, что только развитое наднациональное самосознание является основой процветания государства, уже в XVII веке Ю.Г. Крижанич ставил вопрос о наднациональной идентичности⁶³.

Государство же, усиливаясь в определенные исторические периоды стремилось перебороть эту ситуацию, но ослабляясь в другие времена, не могло противостоять. Достаточно давно замечена и осмыслена упоминавшаяся выше проблема так называемой «утечки мозгов».

Но гораздо менее заметна была противоположная проблема – притока, причем, подчас, не персоналий даже, а своего рода – вторжения прогрессивных систем подготовки гуманитарных кадров, в последние десятилетия создаваемых зарубежными или российскими, с непременной зарубежной помощью, научными фондами.

Таким образом, нашему государству, если оно сочтёт необходимым развивать позитивную роль российских современных информационно-коммуникационных средств в формировании общегражданской идентичности, необходимо в полном соответствии с теорией «модели пропаганды» (но не ограничиваясь ею), научиться быть заказчиком и своего рода «покупателем» социогуманитарного знания, наконец потеснив с этого, теперь уже всё более внутрироссийского, рынка знания и смыслов, иностранных заказчиков и действующих в его интересах агентов.

Только в более широком пространстве воспроизводства и развития гуманитарного знания и смыслов, возможна позитивная для общегражданских целей деятельность современных информационно-коммуникационных средств, а также её адекватная означенным целям общественная и экспертная оценка.

⁶³ Там же.

Отметим, что инструментально сделать это не будет столь уж сложно, но на понимание того, что же заказчик должен в идеале получить, уйдут годы, даже при столь быстром сегодня производстве и накоплении информации.

Уже существующий серьёзный общественный запрос и потенциально мощная общественная поддержка, неминуемая конструктивная критика и, порой, даже близкое к протестному недовольство отдельными решениями, это то, что настоящая общегосударственная нация способна и должна обеспечить в качестве поддержки усилий государства в таком важном направлении общественного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении, можно сделать следующие выводы.

Сегодня общественное развитие, в том числе – в публично-правовой и философско-правовой сферах, властно-политические институты всё ещё отстают от прогресса в цифровой сфере. Это связано, прежде всего, с беспрецедентным в мировой истории развитием цифровых технологий и цифровой среды.

И сегодня новая цифровая эпоха пока ещё видится временем возрастания как рисков безопасности в информационной сфере, так и рисков неверной реакции государства на таковые, а проблематика информационной безопасности и борьбы с терроризмом и экстремизмом явно опережает попытки её осмысления.

Сегодня соотношение частной жизни и безопасности в цифровой сфере, соотношение свободы и контроля, допустимые пределы государственного вмешательства, баланс эффективности деятельности власти в сфере информационной безопасности и общественного контроля за её действиями видится одной из центральных философско-правовых проблем т.н. «цифрового общества».

Более того, одновременно проявили себя еще ярче те проблемы и риски, которые уже длительное время осмыслялись в качестве проблем не только настоящего, но и актуальнейших проблем ближайшего будущего. Это проблемы, связанные со стремительным развитием цифровых технологий. Можно констатировать, что правовое регулирование этой сферы имеет ряд проблем и пробелов, как в России, так и в ведущих государствах современного мира.

Таким образом, нашему государству, если оно сочтёт необходимым развивать позитивную роль российских современных информационно-коммуникационных средств в формировании общегражданской

идентичности, необходимо в полном соответствии с теорией «модели пропаганды» (но не ограничиваясь ею), научиться быть заказчиком и своего рода «покупателем» социогуманитарного знания, наконец потеснив с этого, теперь уже всё более внутривосточного, рынка знания и смыслов, иностранных заказчиков и действующих в его интересах агентов.

Только в более широком пространстве воспроизводства и развития гуманитарного знания и смыслов, возможна позитивная для общегражданских целей деятельность современных информационно-коммуникационных средств, а также её адекватная означенным целям общественная и экспертная оценка.

Важно понимать, что сегодня – в ситуации продолжающейся Специальной военной операции – решение проблем обеспечения информационной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общества это, по сути, полноценная широкомасштабная информационная (цифровая) война.

Таким образом, сегодня названные выше вызовы – это полномасштабная информационная война против нашего государства и общества. Война с использованием цифровых диверсий и провокаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаева Е.А., Байниязова З.С., Басова А.В., Василевич Г.А., Велиева Д.С.К., Габдуалиев М.Т., Голуб О.Ю., Казаков А.А., Комкова Г.Н., Куликова С.А., Минбалеев А.В., Осипов Р.А., Пашнина Т.В., Перепелица Е.В., Сухова Н.И., Тогузаева Е.Н., Торосян Р.А., Тхабисимова Л.А., Тюменева Н.В. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами. М.: Русайнс, 2021. 294 с.
2. Автономова Н.С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии, 1998, № 3.
3. Белявский Д.С. Соотношение норм земельного и конституционного права: опыт деконструкции // Проблемы правового регулирования экологических отношений: история и современность: Материалы научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2013.
4. Гриценко А.В. Кризис правосознания в ситуации концептуальной неопределенности в современном праве // «Вестник Международной академии наук. Русская секция», 2014. Выпуск №1.
5. История политических и правовых учений. Под ред. Нерсисянца В.С. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2012.
6. Кризис права: история и современность // под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. Санкт-Петербург, 2018.
7. Коммуникативная концепция права: Вопросы теории: Обсуждение монографии А.В. Полякова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т. юрид. фак, 2003.
8. Кузнецов В. Н. Туманные вершины мировой философии. От Платона до Делеза. М.: Изд-во МГУ, 2001.

9. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2012.
10. Лучин В.О. «Указное право» в России. М.: Велес. 1996.
11. Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. СПб., 2005.
12. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб: Лань, 2000.
13. Томин Л. В., Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру? / Л. В. Томин, А. А. Балян // Евразийская интеграция: экономика, право, политика». – 2019. – № 3 – с. 77–83.
14. Тхабисимова Л.А. Политико-правовая институционализация общественного контроля в контексте формирования механизма противодействия коррупции / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 12. – С. 212-216.
15. Тхабисимова, Л.А. Позитивные и негативные последствия цифровизации в контексте реализации, обеспечения и ограничения прав и свобод личности / Л. А. Тхабисимова // Право.by. – 2024. – № 2(88). – С. 119-125.
16. Честнов И. Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. СПб., 2012;
17. Честнов И.Л. Теория государства и права – М., 2018.
18. Честнов И.Л. История и методология юридической науки – М., 2018.
19. Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория права. М., 2015.

20. Baofu Peter. *The Future of Post-Human Law: A Preface to a New Theory of Necessity: A Preface to a New Theory of Necessity, Contingency and Justice*. Cambridge Scholars Publishing. 2015.
21. Legaz-y-Lacambra L. *Rechtsphilosophie*. Neuwied; B., 1965.
22. Schreier F. *Grundbegriffe und Grundnormen des Rechts*. Leipzig, 1924.
23. Teninbaum, Gabriel H. *Reduction ad Hitlerum: Trumping the Judicial Nazi Card*. *Michigan State Law Review*, Vol. 2009, p. 541-578, 2009.

Учебное издание

Автор - составитель

Малашенко Михаил Сергеевич

**Совершенствование специальной подготовки, сотрудников
подразделений физической защиты**

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

Подписано в печать ____ . ____ . 2025 г. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. ____ Тираж _____ экз. Заказ _____

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России.
355000, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 43.